

П. А. Плетнев

**Сочинения и переписка П. А.
Плетнева**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П38

П38 **Плетнев П.А.**
Сочинения и переписка П. А. Плетнева: Том 2 / П. А. Плетнев – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 582 с.

ISBN 978-5-458-17127-4

По поручению 2-го Отделения Императорской академии наук издал
и снабдил предисловием Я. Грот.

ISBN 978-5-458-17127-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ ¹⁾.

1845.

I.

9-го ноября 1844 года Россія лишилась человѣка, незабвеннаго для нея. Скончался *Иванъ Андреевичъ Крыловъ*. Достаточно этого имени, чтобы выразить вполнѣ, что утратили Русскіе всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, люди съ высшимъ образованіемъ и люди едва грамотные, лица, занимающія важнѣйшія должности, и неизвѣстныя частныя лица, блестящіе таланты, воспитатели, наставники—и всѣ, кому еще предстоитъ въ жизни, въ какой бы то ни было степени, умственное развитіе. Едва понятно, какъ могъ этотъ человѣкъ, одинъ, безъ власти, не обладавшій ни знатностію, ни богатствомъ, жившій почти затворникомъ, безъ усиленной дѣятельности, какъ онъ могъ проникнуть духомъ своимъ, вселиться въ помышленіе милліоновъ людей составляющихъ Россію, и остаться навѣкъ присутственнымъ въ ихъ умѣ и памяти. Но онъ дошелъ до этого легко, тихо, свободно и самъ едва сознавая необъятность и высоту своего безпримѣрнаго успѣха.

Богъ ниспослалъ ему *благодать слова*. Все могущество, достижное на землѣ человѣку по отношенію къ равнымъ ему, заключено въ этомъ неизъяснимомъ дарѣ. Мы всѣ постигаемъ, чув-

¹⁾ *Современникъ*. XXXVII, стр. 33—77.

ствуемъ и мыслимъ, а вслѣдствіе того и говоримъ, или пишемъ — только не всѣ равно. Слово есть полный образъ духовности въ человѣкѣ. Силы духа неисчислимо разнородны и разнообразны. Въ полнотѣ совершенства своего, по какой-то чудесной способности, онѣ все создаютъ въ такомъ дивно-прекрасномъ видѣ, въ такой гармоніи съ обще-человѣческою духовностію, какъ сама Природа. Міръ внѣшній, окружающій человѣка, вмѣщается въ его душу, гдѣ мы называемъ его внутреннимъ міромъ. Первый существуетъ въ одномъ неизмѣнномъ образѣ. Другой, по различію воспріимлющихъ, до безконечности разнообразенъ. Поэтому слово, будучи полнымъ образомъ, какъ я сказалъ, духовности въ человѣкѣ, всегда показываетъ внѣшній міръ согласно не съ подлинникомъ, а съ принятыми имъ въ душѣ особенностями.

Въ Крыловѣ мы видѣли передъ собою вѣрный, чистый, совершенный образъ Русскаго. Его индивидуальную духовность всего точнѣе можно уподобить слитку самороднаго золота, нигдѣ не проникнутаго даже песчинкой посторонняго минерала. Эту, можетъ-быть, единственную въ своемъ родѣ натуру воспитаніе, обстоятельства жизни, связи и отношенія, влеченіе вкуса, — и безъ сомнѣнія, всего болѣе — ясный умъ образовали такъ полно, твердо и высоко, что во всѣхъ явленіяхъ, даже въ каждомъ элементѣ ея дѣятельности, все типически выражало Русскій міръ. До чего ни прикасалась, на что ни взглядывала, чѣмъ ни отзывалась духовность человѣка, такъ счастливо образовавшагося и окрѣпшаго въ убѣжденіяхъ, все въ ея могучемъ словѣ являлось истиннымъ, точнымъ и полнымъ. Внутренній міръ Крылова до такой степени хранилъ тождество съ внѣшностію, окружавшею его; художническій умъ его въ такой тонкости постигалъ легчайшіе оттѣнки и особенности русскаго смысла, положеній, привычекъ, языка, звуковъ, красокъ, ощущеній и духа, что слово его съ появленія въ головѣ до послѣдней обстановки въ поэтическомъ созданіи, каждымъ движеніемъ, каждою чертою, въ совершенствѣ выполняло свое призваніе.

II.

Всѣмъ извѣстно, что Крыловъ не отвергалъ отъ себя общаго достоянія людей мыслящихъ — знаній и счастливыхъ произведеній, обработанныхъ на другихъ языкахъ. По своимъ понятіямъ, сужденіямъ, по своей жизни, привычкамъ и прекрасно-очищенному вкусу, по любви къ талантамъ и личнымъ успѣхамъ въ нѣкоторыхъ художествахъ (наприм.: въ рисованіи, музыкѣ), онъ былъ равенъ всѣмъ самымъ образованнымъ людямъ высокаго разряда. Еще болѣе скажу: природа надѣлила его способностію быстро и легко усваивать другіе языки. Слѣдовательно онъ, подобно всѣмъ современникамъ, находился подъ тѣмъ вліяніемъ иноземнымъ, которому не безъ основанія мы приписываемъ частое отсутствіе въ насъ самобытности и народности. Между тѣмъ онъ духомъ своимъ такъ былъ крѣпокъ и неодолимъ; умъ его такъ былъ строгъ и вмѣстѣ гибокъ, что на соображеніяхъ и исполненіи его не осталось и слѣда подчиненности или увлеченія, ни приѣма заимствованнаго и отзывающагося смѣшеніемъ разнородныхъ движеній, а напротивъ каждое вызываемое имъ лицо и складъ его мыслей облекались самымъ разительнымъ образомъ въ русскую фізіономію. Народность его произведеній заключается не въ одномъ прекрасномъ употребленіи чисто-русскаго языка, народныхъ поговорокъ, не въ одномъ вѣрномъ описаніи костюмовъ, быта русскаго, нравовъ, привычекъ, добрыхъ и дурныхъ нашихъ качествъ, нѣтъ: въ его словѣ живо обрисованы полныя сены нашей духовной жизни съ зародыша идеи, или съ перваго взгляда, молчаливо остановившагося на предметѣ, до конца умственной работы, или до послѣдняго явленія въ дѣйствиіи. Наружное положеніе, самый ходъ внутреннихъ ощущеній, столкновенія съ побочными препятствіями, напряженіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, улыбка удачи и грубое восклицаніе промаха выставлены на судъ и наслажденіе зрителя не въ общихъ, или только приближительныхъ чертахъ, а въ яркой недѣлимости, которую учено-гениальной кистию всю сорвалъ живописецъ съ русскаго натурщика.

Однѣ природныя способности, безсознательно устремленныя на искусство, объемлющее столько разнородныхъ матеріаловъ и для каждаго изъ нихъ требующее столько гибкости, и утонченности всѣхъ эстетическихъ силъ, не могли бы вынести Крылова на ту высоту, которой онъ, по общему, единогласному признанію, достигнулъ какъ народный русскій писатель, если бы онъ свѣтымъ и независимымъ своимъ умомъ, со всею истинною и точностію, не опредѣлилъ для себя гармонически теоріи своего искусства. Но теорія его, въ каждомъ созданіи, въ каждомъ стихѣ, даже въ каждомъ выраженіи высказывающаяся явственно, неуволима для исполненія. Она, какъ органическая жизнь въ природѣ, всегда будетъ возбуждать любознательность, изумленіе; но по ея законамъ никто самъ не создастъ творенія, равнаго тому, которое изучаетъ.

III.

2-го февраля 1838 года исполнилось Крылову семьдесятъ лѣтъ отъ рожденія. Торжественно и умиленно выразилось въ это время чувство всеобщаго уваженія къ его несомнѣннымъ заслугамъ отечеству. Юбилей, празднованный здѣсь въ тотъ день, когда исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ появленія въ печати первыхъ его стихотвореній, конечно на всѣ послѣдніе годы его жизни оставилъ въ душѣ его сладостнѣйшія воспоминанія. Дань любви, признательности и почтенія выразилась такъ свободно, единодушно и полно, что въ честь частнаго человѣка едва ли бывалъ когда подобный праздникъ.

Есть небольшая біографія Крылова, напечатанная въ январѣ 1844 года (*Звѣздочки* ч. IX, стран. 34—60). Тамъ подробно описано все бывшее на юбилеѣ. Эта біографія очень замѣчательна. Ее составила одна дама, много вывѣдавшая подробностей о дѣтствѣ Крылова, какъ видно, изъ разговоровъ съ нимъ. Сердце умной и любящей женщины понимало, на чемъ всего занимательнѣе остановить вниманіе. «Часто спрашивала я нашего несравненнаго Ивана Андреевича (говорить сочинительница его біографіи) о дѣтскихъ

его склонностихъ, о томъ, проявлялся ли въ младенствѣ его гений; но онъ мнѣ всегда отвѣчалъ:—И, матушка, я былъ дитя какъ и всѣ, игралъ, рѣзвился, учился не отлично, иногда меня даже и сѣкали.—«На тринадцатомъ году своей жизни (продолжаетъ она) Иванъ Андреевичъ лишился отца. Мать сдѣлалась для него земнымъ провидѣніемъ, какъ бывають всѣ матери для дѣтей своихъ. Она съ материнскою проицательностью открыла способности своего сына, и старалась развить ихъ не смотря на ограниченность своихъ средствъ. Андрей Прохоровичъ (отецъ Крылова) не оставилъ послѣ себя почти никакого состоянія, но оставилъ нѣсколько книгъ, которыя собиралъ въ продолженіе своей жизни. Эта библіотека лежала не въ богатыхъ шкафахъ, но въ полуразвалившемся сундукѣ, въ пыли и безпорядкѣ. Марья Алексѣевна (мать поэта) вывела на свѣтъ эти спрятанныя сокровища, и сама себѣ составила планъ образованія своего сына. Желая приохотить его къ ученію, она обѣщала давать ему награду, когда онъ прилежно будетъ читать съ нею въ положенные часы. Маленькому Крылову понравилось это распоряженіе. Онъ охотно принимался за книги, усердно читалъ, и каждый разъ получалъ гривну или двѣ—мѣди. Тогда деньги были очень дороги; тогда ими очень дорожили. И когда маленькій Крыловъ сдѣлался владельцемъ капитала въ нѣсколько рублей, то онъ считалъ себя богачемъ. Мать его, чтобы не приучить его къ корыстолюбію, къ желанію копить деньги, или къ другой крайности—тратить ихъ на пустяки, придумала очень хорошее средство: она замѣчала ему, что у него изорваны перчатки, старъ картузь, и совѣтовала на свои деньги купить и то, и другое. Молодой Крыловъ радовался, что могъ самъ доставать себѣ необходимыя вещи, выбиралъ хорошія свѣтлыя перчатки, щегольской картузь—и все это очень берегъ; потому что мы всегда какъ-то болѣе дорожимъ тѣмъ, что приобретаемъ своимъ трудомъ, нежели тѣмъ, что намъ достается даромъ.—Мать его хотѣла и съ французскимъ языкомъ употребить то же средство, которое такъ хорошо удалось съ русскимъ. Она, не зная ни слова по-французски

(между тѣмъ мальчикъ успѣлъ ознакомиться съ этимъ языкомъ, поучившись нѣсколько у гувернера-француза, жившаго у губернатора: это происходило въ Твери, гдѣ служилъ передъ кончиною своею отецъ поэта), заставляла сына читать на этомъ языкѣ въ положенные часы, и давала награды. Но французская грамота не такъ легко давалась Крылову, какъ своя родная. Онъ рожденъ былъ человѣкомъ чисто-русскимъ, и потому-то къ его природѣ не легко прививалось что-нибудь иностранное. Ему скучно было читать на языкѣ мало знакомомъ. Онъ бѣгло повторялъ слова и фразы, которыя зналъ наизусть, перевертывалъ листы, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда пройдетъ положенный часъ. Марья Алексѣевна можетъ-быть и догадывалась, на какія хитрости подымался ея сынокъ; но она дѣлала видъ, будто ничего не замѣчаетъ, и продолжала давать ему положенное награжденіе. Ему стало скучно бормотать безъ связи и толку заученныя фразы, да и совѣстно обманывать добрую свою мать. Онъ рѣшился читать съ пользою и понимать, что читаетъ. Вотъ для того онъ взялъ лексиконъ, началъ приписывать каждое незнакомое слово, и такимъ образомъ скоро научился по французски.

IV.

Приведенные мною рассказы драгоцѣнны. Они такъ близко знакомятъ читателя съ дѣтствомъ поэта. Все, чѣмъ бы захотѣлось въ этомъ родѣ теперь пополнить дальнѣйшія событія жизни Крылова, уже невозможно. Только самъ онъ изъ устъ своихъ могъ снабдить женскую любознательность подобными подробностями. Не менѣе занимательно тамъ же рассказано и о первыхъ опытахъ авторства Крылова, о первыхъ его знакомствахъ послѣ переѣзда съ матерью изъ Твери въ Санктпетербургъ (напр.: съ Дмитревскимъ, Брейткопфомъ), о началѣ его службы, о кончинѣ матери его и проч. Не думаю, чтобы въ бумагахъ Крылова нашлись «Записки о жизни его». Онъ былъ, какъ я и сочинительница біографіи согласно замѣтили, *по преимуществу русскій чело-*

онокъ. А Русскіе ничему въ себѣ не удивляются, ничего не признаютъ въ собственныхъ дѣлахъ за чрезвычайное и любопытное. Только особенныя и слишкомъ рѣдкія обстоятельства при воспитаніи или въ первой молодости выводятъ нѣкоторыхъ изъ этого *смирномудрія*. По смерти своей великіе люди наши оставляютъ въ достояніе исторіи только три наслѣдства: послужной списокъ, нѣсколько анекдотовъ—и то, если случайно переживутъ ихъ ближайшіе изъ современниковъ, — и гласныя дѣла свои. Всякій согласится со мною, чѣмъ можно поживиться изъ послужного списка Крылова? Самый продолжительный періодъ его службы прошелъ въ Императорской Публичной библиотекѣ, гдѣ онъ завѣдывалъ отдѣленіемъ русскихъ книгъ. Историческія дѣла его—это *Басни Крылова*. Тутъ конечно есть надъ чѣмъ поработать и грамматикѣ, и филологу, и поэту, и историку, и критику высшихъ совершенствъ поэзіи, и даже критику вообще изящныхъ искусствъ. Но всѣ труды ихъ войдутъ только въ область верховнаго челоѣковѣдѣнія, ане въ біографію. Басни же Крылова, просто какъ дѣла его, всѣ уже знаютъ наизусть. Мнѣніе свое о литературныхъ его заслугахъ я изложилъ за нѣсколько передъ симъ лѣтъ (*Современника* т. IX ¹). Въ изложеніи своемъ я рассматривалъ его въ трехъ отношеніяхъ отдѣльно: 1, какъ *поэта вообще*, т. е. художника, который все, доступное обработыванію душевныхъ силъ, лучшими орудіями языка пересоздаетъ въ ясныя, полныя и живыя образы, представляющіе изъ области своей какъ бы *вторую* природу со всѣми вѣчными ея законами; 2, какъ *баснописца*, т. е. спеціального поэта, который на всякую свою мысль набрасываетъ легкій, прозрачный покровъ аллегоріи; который въ каждомъ существѣ чувствуетъ проявленіе чего-то челоѣческаго, подобно жителю Индіи, вѣрующему въ переселеніе дѣшъ; однимъ словомъ, поэта, которому въ одно и то же время съ одной стороны всякая вещь говоритъ о челоѣкѣ, а съ другой всякое о немъ помышленіе принимаетъ какой-нибудь

¹) См. Томъ I настоящаго изданія, стр. 340—349.

изъ чувственныхъ образовъ, населяющихъ вселенную; наконецъ 3. какъ *русскаго писателя*, т. е. автора, который явленія русской жизни со всѣми частностями, прикосновенными къ этой идеѣ, изображалъ въ русскихъ стихахъ съ поэтической вѣрностію, поразительно и неизгладимо; который въ душѣ своей хранилъ такую симпатію ко всѣмъ окружающимъ его явленіямъ, что, говоря о нихъ, прямо и удивительно мѣтко попадалъ на выраженія, обороты рѣчи, разстановку словъ, даже на самые звуки, исключительно отличающіе нашъ языкъ отъ языковъ иностранныхъ; автора, у котораго человѣкъ и его дѣйствія, мысль и слово, образъ и его очертаніе не иначе возникали въ умѣ и воображеніи, какъ подъ неизмѣннымъ типомъ народности нашей.

Трудно найти человѣка, котораго жизнь была бы до такой степени обогащена анекдотическими событіями, какъ жизнь Крылова. По своему характеру, привычкамъ и образу жизни онъ безпрестанно подвергался тѣмъ случаямъ, въ которыхъ выражаются рѣзкія особенности ума, вкуса, добродушія или слабостей. Если бы можно было собрать въ одну книгу всѣ эти случаи и сопровождавшія ихъ явленія, она составила бы въ нѣкоторомъ смыслѣ энциклопедію русскаго быта и русскаго человѣка—въ видѣ Крылова. Къ сожалѣнію, Гнѣдичъ, вѣрнѣе всѣхъ хранившій въ памяти своей лучшее изъ этой любопытной энциклопедіи, все унесъ съ собою въ могилу, маленькую только часть оставивъ въ наслѣдство друзьямъ своимъ, изъ которыхъ иные тоже умерли, а другіе *странствуютъ далече...*

V.

С. Н. Глинка, по кончинѣ Крылова, прислалъ мнѣ небольшую о немъ выписку изъ своихъ «Записокъ». Я изъ нихъ приведу здѣсь то, что сколько-нибудь послужитъ къ пополненію будущей біографіи поэта. С. Н. Глинка только тремя годами моложе Крылова. Итакъ на его сказанія положиться можно. «Иванъ Андреевичъ (написано у него) гласно сталъ заниматься литературою въ

осьмидесятихъ годахъ. Съ капитаномъ гвардіи Рахмановымъ началъ онъ тогда издавать *Почту Духовъ*. Съ 1792 года имя его сдѣлалось извѣстнѣе. Съ Клушинымъ и другими товарищами онъ сдѣлался редакторомъ *Санктпетербургскаго Зрителя*. Здѣсь между прочимъ напечатана остроумная повѣсть его въ прозѣ: *Камбѣ*. Сочиненіемъ басень онъ занялся послѣ поѣздки въ Москву, гдѣ Дмитріевъ, прочитавъ первые опыты его въ этомъ родѣ поэзіи, присовѣтовалъ ему не оставаться при одной попыткѣ. Тамъ князь Шаликовъ въ это время (1805), подѣ покровительствомъ Дмитріева, приступилъ къ печатанію журнала: *Московский Житель*. Въ немъ, въ одно и то же время, помѣщены были: *Письмо* Дмитріева о цѣли, духѣ и направленіи повременныхъ изданій, и басня Крылова: *Разборчивая Невѣста*. Съ этой эпохи Иванъ Андреевичъ писалъ почти исключительно басни. Первое изданіе ихъ явилось въ 1809 году. Жуковскій въ *Вѣстникѣ Европы* провнесъ о нихъ замѣчательное свое мнѣніе, которое перешло въ послѣдствіи времени и въ полное собраніе сочиненій его. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* также замѣчено было издателемъ о басняхъ Крылова, что въ разсказѣ есть новыя и живыя выраженія. Не вхожу здѣсь (продолжаетъ С. Н. Глинка) ни въ какой разборъ: басни Крылова *разобрала* цѣлая Россія. Упомяну только о моемъ свиданіи съ нимъ, когда онъ жилъ еще въ домѣ Императорской Публичной библіотеки. При входѣ моемъ онъ лежалъ на софѣ съ книгою въ рукахъ. То былъ греческій Эзопъ. «Вы спова пѣречитывасте Эзоба?» сказалъ я. — Учусь у него, — возразилъ Иванъ Андреевичъ. «Это удѣлъ генія», прибавилъ я: «умъ обыкновенный встрѣчаетъ предѣлъ; геній идетъ впередъ, далѣе, мечтая о совершенствѣ. Виргилій завѣщаль, чтобы сожгли его Энеиду; хорошо сдѣлали, что не послушались его. Латинская словесность лишилась бы вѣнца славы своей. Впрочемъ и нашъ Державинъ сказалъ: «Учиться никогда не поздно».

Знаете ли что Лафонтенъ и Дмитріевъ и вы упустили самую разительную, или, какъ нынче говорятъ, *геніальную* черту въ баснѣ Эзоба: Дубъ и Трость?» — Какъ это? — спросилъ Иванъ

Андреевичъ. «А вотъ какъ», отвѣчалъ я: «въ паденіи дуба Эзонъ представилъ паденіе гордыни, спеси, презорства; въ торжествѣ тросточки торжество кротости, скромности, смиренія. Лафонтенъ почти пійтическою трубою передалъ эту басню. У него дубъ про-стоналъ. Прекрасно разсказана эта басня и у Дмитріева и у васъ. Но дубъ только палъ. Спесь, падая тихомолкомъ, въ удаленіи отъ зрителей, кое-какъ утѣшится. Но что дубъ палъ къ сто-памъ смиренной тросточки, вотъ что больно спеси и гордынѣ». Крыловъ привсталъ, подалъ мнѣ трубку и сѣлъ. Я закурилъ и продолжалъ: «Лафонтенъ правду сказалъ, что Эзоповы басни драма во ста дѣйствіяхъ. Онъ вывелъ въ нихъ всю природу отъ кедра до иссопа. И въ нихъ каждый въ чемъ-нибудь себя узнаеть, и что-нибудь найдетъ для себя. Я говорю это о сущности вымысловъ; но въ поэзіи и Лафонтенъ и Дмитріевъ и вы побѣ-дители. У васъ, Иванъ Андреевичъ, въ басняхъ своя жизнь, свое неотъемлемое достоинство. Замѣтали, и я повторяю, что вы всѣмъ дѣйствителямъ вашихъ басенъ передали во всемъ самобытность русскую. Переводчикъ вашихъ басенъ, г. Масклэ, человекъ очень умный и знающій вполнѣ русскій языкъ, не достигъ своей цѣли. Переводъ его не имѣлъ успѣха за границею. Снова повторяю: жизнь вашихъ басенъ—въ русскомъ словѣ и въ вашей поэзіи». Поговоривъ еще немного, я всталъ, а Иванъ Андреевичъ сказалъ: — Сергѣй Николаевичъ! насъ, старыхъ знакомыхъ, теперь не-много осталось. — «Да,» отвѣчалъ я: «и старикъ Шатровъ умеръ». Это было послѣднее мое свиданіе съ Крыловымъ. Я познакомился съ нимъ еще въ прошедшемъ столѣтіи, у московскаго сибарита, любителя словесности и гостепріимца всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ и вообще писателей, Ф. Г. Карина. Я пережилъ ихъ всѣхъ; грустно! Но Крыловъ не умеръ: гений не умираеть. Басни его сдѣлались общимъ народнымъ сокровищемъ. Онъ первый изъ русскихъ писателей (заключаетъ С. Н. Глинка) увѣнчался тор-жествомъ юбилея — и это перейдетъ въ исторію Императора Николая Перваго».